

«Всё, что было лучшего в мыслях России, не миновало общества и знаменитости М.С.Щепкина...» - записал после смерти великого артиста один из его друзей или добрых приятелей Михаила Семёновича были Пушкин и Гоголь, Герцен и Грановский, Аксаков и Тургенев, Белинский и Станкевич, Некрасов и Шевченко... Как никто из его современников он умел объединять вокруг себя людей очень разных и по своему социальному положению, и по роду деятельности, и по политическим убеждениям. Как известно, сам он ни в каком течении не принадлежал и тем удивительнее, как удавалось ему найти общий язык со славянофилами, западниками, революционными демократами, представителями высшей аристократии и московской профессуры... Даже у член императорской фамилии и царских сановников он (бывший крепостной!) нередко умудрялся находить понимание, когда хлопотал о ком-то из своих друзей или о деле, которому служил.

месте. А сам не поехал никуда и возвратился к себе. Это, кажется, было его последнее свидание со Щепкиным. Спустя несколько дней он велел уже отказывать всем своим знакомым, а главное - ему».

Но, конечно, Гоголь не всегда был таким угрюмым затворником. Станным порою - да, мнительным до бесконечности, особенно если речь заходила о здоровье, но всё-таки дру-

собирая вместе чуть ли не всю литературную Москву. Столы ломились от угощения и вина текли рекой, и шуткам, сердечным откровениям, песням не было конца. Кто бы мог представить тогда, какую мученическую смерть уже через несколько лет примет на себя добровольно Гоголь. Гоголь, такой вот хлебосольный, общительный, умеющий так заразительно дурачиться в дуэте со Щепкиным...

непонимание. «И в самом деле, что за беда посидеть какую-нибудь неделю без обеда», - горько шутит он, сообщая матери о своём бедственном положении. Ситуация для русских писателей XIX века более чем типичная. Через это прошли не только разночинцы Белинский, Добролюбов, Чернышевский, обнищавший дворянин Достоевский, но и наследник хорошего состояния Некрасов, богатейший барин Тургенев

ему чувство зависти было абсолютно несвойственно. И к собственной славе он относился весьма спокойно, никогда не чванился, не противопоставлял себя другим, не высокомерничал. Напротив - щедро делился и секретами актёрского мастерства и жизненным опытом, а при необходимости и деньгами.

А сколько замечательных писателей использовали в своём

бит...» тоже впервые была услышана писателем от Михаила Семёновича и разнеслась по миру вместе с самой поэмой. Кстати, и некоторые его герои пришли в «Мёртвые души» из устных рассказов Щепкина, органично вписавшись в круг гоголевских персонажей. Не без участия артиста появились на свет и многие действующие лица «Женитьбы». Во всяком случае, в самом начале работы над пьесой Николай Василь-

в каждой Гоголь обязательно предусмотрит роль для «бесценного» Михаила Семёновича) будут иметь шумный успех, несмотря на прелюпы цензуры и дирекции Императорских театров. Особенно тяжело складывалась судьба «Ревизора». Сам Гоголь был в себя после её премьеры в «Александринке». Как он с горечью отмечал, «актёры не понимают, что играют». К тому же посыпались нападки реакционной критики. И Ни-

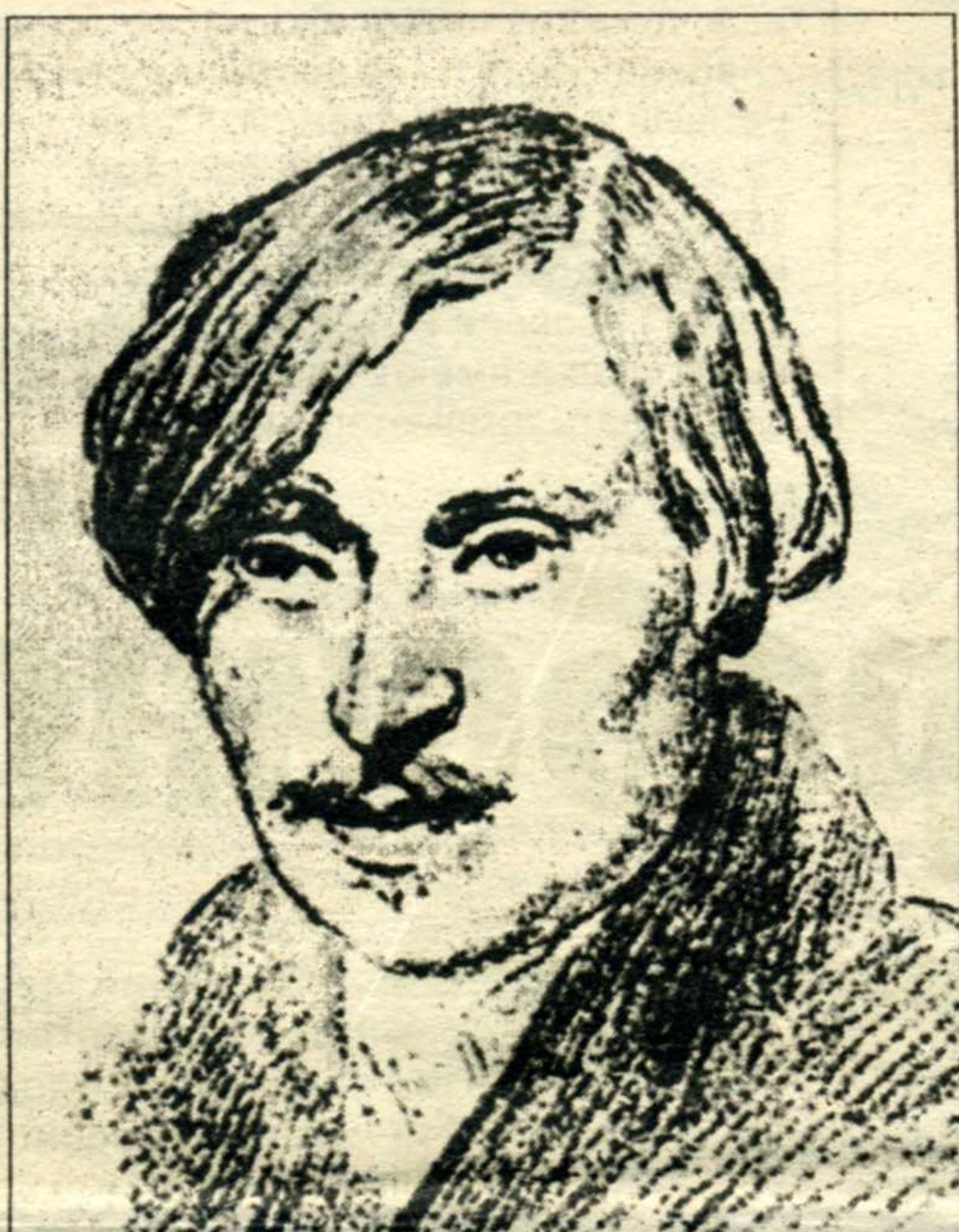
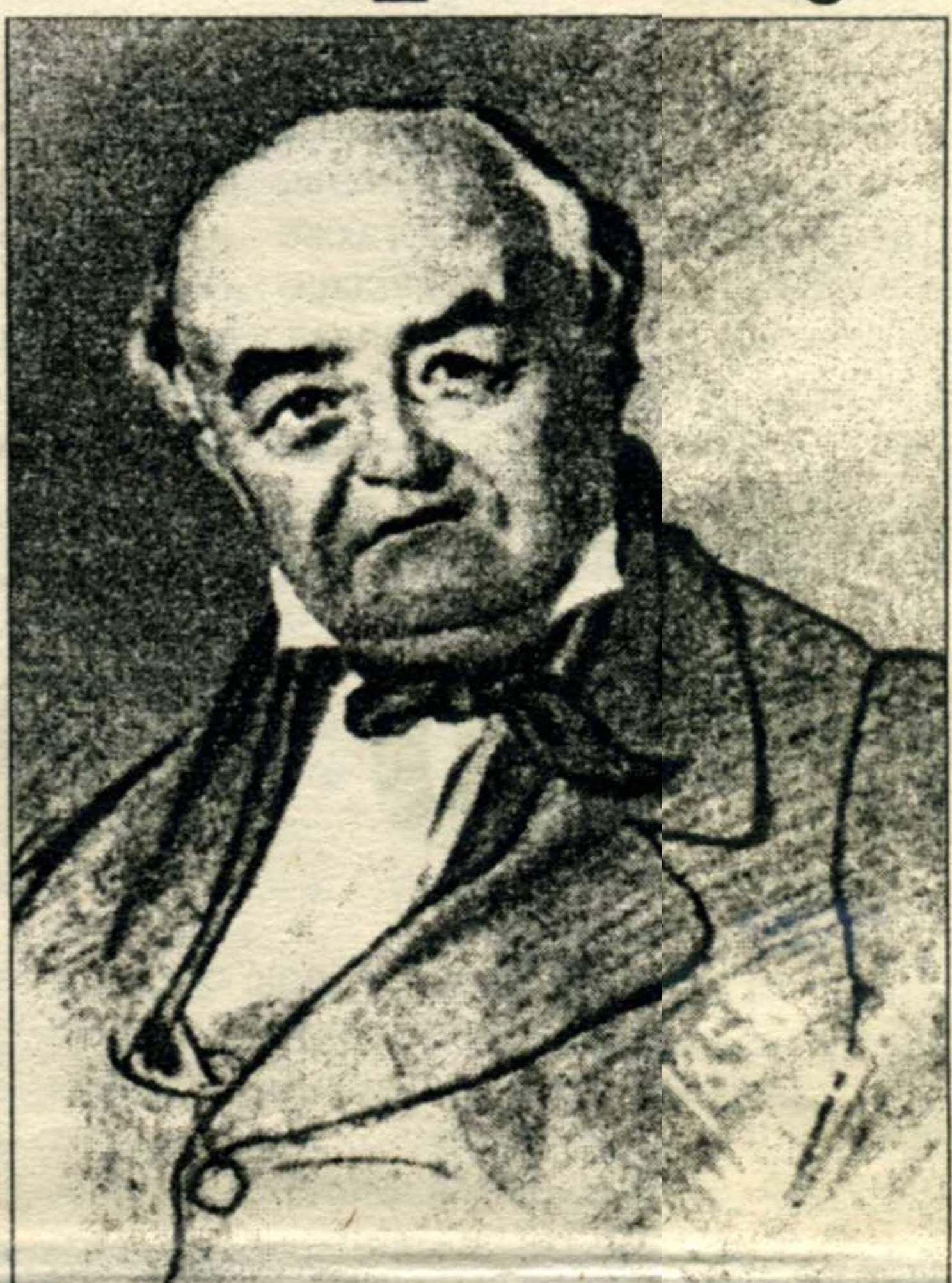
Однако именно из-за этой «Развязки» у Щепкина с Гоголем чуть не случился раздор. К тому времени писатель всё глубже уходил в мистицизм и рекомендовал господам актёрам переменить манеру игры и своё отношение к персонажам, заменить в спектакле живые характеры символами, чтобы герои демонстрировали лишь «наши страсти», а Хлестаков, к примеру, представлял собой «ветреную

«Моему доброму и бесценному Михаилу Семёновичу...»

А хлопотал он постоянно, забывая о собственной гордости, здоровье, преклонных летах. Вот и летом 1863 года он отправляется в Крым не только с намерением подлечиться, но и получить аудиенцию (надеясь на протекцию вселикого графа Воронцова) у императрицы Марии Алексеевны, отдыхавшей в Ливадии, чтобы поведать ей о трудностях актёрской школы, которую он организовал при Малом театре, рассказать о злоупотреблениях дирекции и нелёгкой судьбе воспитанников. Воронцов, узнав о приезде Щепкина в Ялту, сам пригласил погостить в своём роскошном Алушкинском дворце и обещал поспособствовать в благородной миссии. Но не успел. Через три

дней Михаил Семёнович вынужден был вернуться в Ялту, поскольку простудился и почувствовал себя очень плохо. Никто и предположить не мог, что знаменитый актёр, любимый всей России одиноко умрёт в гостиничном номере на руках слуги и преданного друга Александра Григорьевича Алмазова, который позже напишет свои воспоминания. И засвидетельствует, что в предсмертный час мысли Михаила Семёновича были обращены к Николаю Васильевичу Гоголю, с кем ближе всего ощущал он своё духовное родство и с кем связан был неразрывной дружбой почти 20 лет. За несколько дней до смерти Щепкин впал в забытие и лишь иногда приходил в себя, но на вопросы отвечал сбивчиво или вовсе на них не реагировал. И вдруг сам подозвал слугу и совершенно ясно спросил:

«Александр, а куда Гоголь ушёл?»
 - Какой Гоголь? - удивился тот.
 - Николай Васильевич.
 - Так он же помер.
 - Как помер? - изумился Щепкин. - Давно ли?
 - Давно, - ответил Алмазов.
 И больной, словно растерявшись, прошептал: «Ничего, ничего не помню...». И это были его последние слова, хотя какое-то время он ещё продолжал жить. О чём он думал в эти мгновения? Может быть, пытался вспомнить, как сам хоронил своего горячо любимого друга, заморившего себя голодом и молитвами в неполные сроки три года? Как после отпевания в церкви при Мос-

ковском университете последним поцеловал его в лоб, увенчанный лавровым венком, и в скорбном молчании закрыл крышку гроба? А может быть, пытался вспомнить начало их дружбы? Когда и где они познакомились? Как случилась их первая встреча?

Первая встреча очень молодого, но уже известного писателя, автора нашумевших «Вечеров на хуторе близ Диканьки» с любимцем театральной публики произошла в 1832 году, когда Гоголь впервые приехал в Москву. Это событие сын Щепкина Пётр Михайлович зафиксировал следующей записью: «...Как-то на обед к отцу собралось человек двадцать пять - у нас всегда много собиралось; стол, по обыкновению, накрыт был в зале; дверь в переднюю, для удобства прислуги, открыта настежь. В середине обеда вошёл в переднюю новый гость, совершенно нам незнакомый. Пока он медленно раздевался, все мы, в том числе и отец, оставались в недоумении. Гость остановился на пороге в залу и, окинув всех быстрым взглядом, проговорил слова всем известной малороссийской песни: *Ходит гарбуз по городу, Пытается своего роду: Ой, чи живий, чи здоровий. Все родичи гарбузови?* Для Щепкина, с детства слышавшего певучую украинскую речь в родном «селе Красном, что на речке Пенке» (в Белгородской области и сегодня половина сельских жителей говорит на двух славянских языках), подолгу жившего в Харькове, Сумах, Полтаве (за что Гоголь называл его земляком, поскольку сам родился на Полтавщине), играя на тамошних сценах, шуточный куплет незнакомца прозвучал словно пароль. «Да это ж Гоголь... Николай Васильевич!», - воскликнул хозяин дома, заключив гостя в объятия.

После общего застолья писатель и актёр уединились в саду. Видеть и слышать друг друга было давним желанием обоих (чему немало способствовал их общий знакомый А.С.Пушкин), поэтому, встретившись наконец, как старые добрые друзья, они не могли вдоволь наговориться. С тех пор Николай Васильевич стал постоянным гостем в доме Щепкиных, если жил в Моск-

ве, останавливался на ночлег, и всегда, как и в первую встречу, беседам не было конца. Даже в последние годы, когда Гоголь впал в мистицизм, верноподданническое холопство и религиозный фанатизм, избегая светских удовольствий, многих старых знакомств (а новых и вовсе не переносил на дух), отношения со Щепкиным остались по-прежнему очень тёплыми. Когда-то на титульном листе первого издания пьесы «Ревизор» он собственноручно начертал: «Моему доброму и бесценному Михаилу Семёновичу». А в одном из писем к С.Т.Аксакову признавался: «Милее его (Щепкина) нет моей душе никого». И он действительно ни в чём не мог отказать старшему другу. И именно поэтому запретил принимать в последние дни своей жизни, боясь, что тот обязательно уговорит его поехать.

Вот как об этом вспоминает врач Н.В.Гоголя А.Т.Тарасенков: «В один из этих дней приезжал к нему М.С.Щепкин. Видя его в хандре и желая развеселить, рассказывал он ему много смешного: и когда тот оживился, напомнил, что у него нынче отличнейшие блины, самая лучшая икра и т.д. В общем, написал обед так, что у Гоголя, что называется, слюнки потекли. И он, не выдержав, обещался приехать к нему обедать, условившись во времени; но он приехал к Щепкину за час до обеда и, не заслав его дома, приказал сказать, что извиняется и обедать не будет оттого, что вспомнил о прежде данном обещании обедать в другом

(из-за самодурства матери) тоже изведали в молодости почём фунт лиха... Тем не менее, никто из них не сдался на милость судьбы. Не сдался и Гоголь. Потерпев неудачу на путях «возвышенного романтизма», он просто изменил направление своего творчества, обратившись к малороссийскому фольклору. И выиграл!

Его «Вечера на хуторе близ Диканьки» вызвали всеобщий восторг. Николай Васильевич стал столичной знаменитостью и завсегда гостем литературных салонов, где близко познакомился с Пушкиным, Жуковским, Плетнёвым, Вяземским, Одоевским, Панаевым... Естественно, и Москва не осталась глуха к раскатам славы нового таланта. Там его приняли, в прямом смысле слова, с распростёртыми объятиями. И не только в доме Щепкина. Ну а с самим Михаилом Семёновичем они стали просто неразлучны. Причём тот высоко ценил в Гоголе не только его литературный дар, но и артистический. Как-то Гоголя с друзьями гимназической юности пригласили на вечер к бывшему министру народного просвещения И.И.Дмитриеву, где собрался большой круг московских литераторов и артистов. Естественно, был там и Щепкин с семейством. Хозяин дома и гости стали уговаривать Гоголя почитать «Женитьбу». Николай Васильевич согласился и читал так превосходно, с такой неподражаемой интонацией, переливами голоса и мимикой, что слушатели просто показывались от хохота. А когда автор закончил, Щепкин, заливаясь слезами от восторга, сказал: «Подобного комика никогда не видал я и, наверное, не увижу». А потом прибавил, обращаясь к своим дочерям, которые готовились поступать на сцену: «Вот для вас высокий образец художника, вот у кого учиться!». Собравшиеся подхватили эти слова дружными аплодисментами, хотя кое-кто удивился, что такой высочайший комплимент прозвучал из уст человека, которого называли лучшим комическим актёром в России. Известно ведь, как самолюбивы актёры, как ревниво они относятся к чужому таланту. Но удивились только те, кто плохо знал Щепкина, ведь

творчестве устные новеллы Щепкина, на которых, по меткому выражению Герцена, «запеклась» кровь событий». Достаточно вспомнить «Сороку-воровку» самого Герцена или «Тупейного художника» Лескова. Обладая острым взглядом, храня в памяти множество сюжетов, зарисовок, метких высказываний, Щепкин, но не чувствуя призывания к литературному труду, Михаил Семёнович с радостью дарил их друзьям и всякий раз бывал неизменно счастлив, если что-либо из рассказанного им обрета-ло дальнейшую жизнь в повести или пьесе.

Есть, например, в «Старосветских помещиках» Гоголя эпизод о так называемой «одичалой кошке». Так вот, эта история была записана автором со слов Михаила Семёновича. По воспоминаниям известного фольклориста, собирателя русских народных сказок А.Н.Афанасьева, Щепкин, прочитав повесть, «при встрече с писателем сказал ему шутя: «А кошка-то моя!». «Зато коты мои!» - засмеялся Гоголь. Коты и в самом деле принадлежали его вымыслу».

Ставшая крылатой фраза из «Мёртвых душ» «Полюбите нас чёрненькие, а беленькими нас всякий полю-

бит...» тоже впервые была услышана писателем от Михаила Семёновича и разнеслась по миру вместе с самой поэмой. Кстати, и некоторые его герои пришли в «Мёртвые души» из устных рассказов Щепкина, органично вписавшись в круг гоголевских персонажей. Не без участия артиста появились на свет и многие действующие лица «Женитьбы». Во всяком случае, в самом начале работы над пьесой Николай Василь-

евич зачитывал своему старшему и более сведущему в театральных тонкостях другу сцену из комедии, и Михаил Семёнович советовал автору кое-что изменить и передал ему ещё многое о купеческих обычаях при свадьбах... Нет сомнения и в том, что именно знакомство со Щепкиным подвигло начинающего писателя обратиться к драматургии. Уже после первой встречи с ним он пишет Погодину из Петербурга: «Я помешался на комедии. Она, когда я был в Москве, в дороге и когда я приехал сюда, не выходит из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на днях начал составлять, «одичалой кошке». Так вот, эта история была записана автором со слов Михаила Семёновича. По воспоминаниям известного фольклориста, собирателя русских народных сказок А.Н.Афанасьева, Щепкин, прочитав повесть, «при встрече с писателем сказал ему шутя: «А кошка-то моя!». «Зато коты мои!» - засмеялся Гоголь. Коты и в самом деле принадлежали его вымыслу».

Первая комедия, действительно, не получила сценической жизни. Зато последующие (и

светскую совесть». Узнав об этом, «добрейший» и «любезнейший» Михаил Семёнович пришёл в ярость, которую и высказал в письме к драматургу: «...По выздоровлении, прочтя ваше окончание «Ревизора», я бесился на самого себя, на свой близорукий взгляд, потому что до сих пор я изучал всех героев в «Ревизоре», как живых людей, я так видел много знакомого, родного, я так свыкся с городничим, Добчинским и Обочинским в течение десяти лет, что отнять их у меня и всех вообще - это было бы действие бессовестное. Чем вы их мне замените? Оставьте мне их, как они есть. Не давайте мне никаких налётов, что это - не чиновники, а наши страсти; нет, я не хочу этой переделки: это люди, живые люди, между которыми я взрос и почти состарился. Нет, я их вам не дам! Не дам! пока существовать. После меня переделайте хоть в козлов, а до тех пор я не уступлю вам и Держиморды, потому что и он мне дорог...».

Стол решительный отказ первого комического актёра, как титуловал его Гоголь в «Развязке...», увенчав ещё при этом и лавровым венком на сцене, обескуражил Николая Васильевича. От других протестов (а Щепкин был не одинок в своём возмущении) он, может быть, и отмахнулся бы, но пережить гнев своего горячо любимого друга и не внять его советам, никак не мог. И предложил исполнять пьесу по-прежнему, а «Развязку» рассматривать лишь как дополнение к ней. «Теперь осталось всё при своём, - торопился успокоить он Михаила Семёновича, - и овцы целы, и волки сыты: аллегория аллегорией, а «Ревизором» - «Ревизором».

Так, отстояв право играть комедию в её неизменном виде, Щепкин и исполнял городничего до последних своих дней. Первый раз он вышел в образе Сквозник-Дмухановского на сцену Малого театра 25 мая 1836 года, последний - в 1863-м, в Керчи, за месяц до кончины...
Ольга ИСТОМИНА.
 На снимках: портрет М.С.Щепкина, написанный П.Шевченко в 1858 году; портрет Н.В.Гоголя работы художника А.Иванова; у могилы Гоголя.

